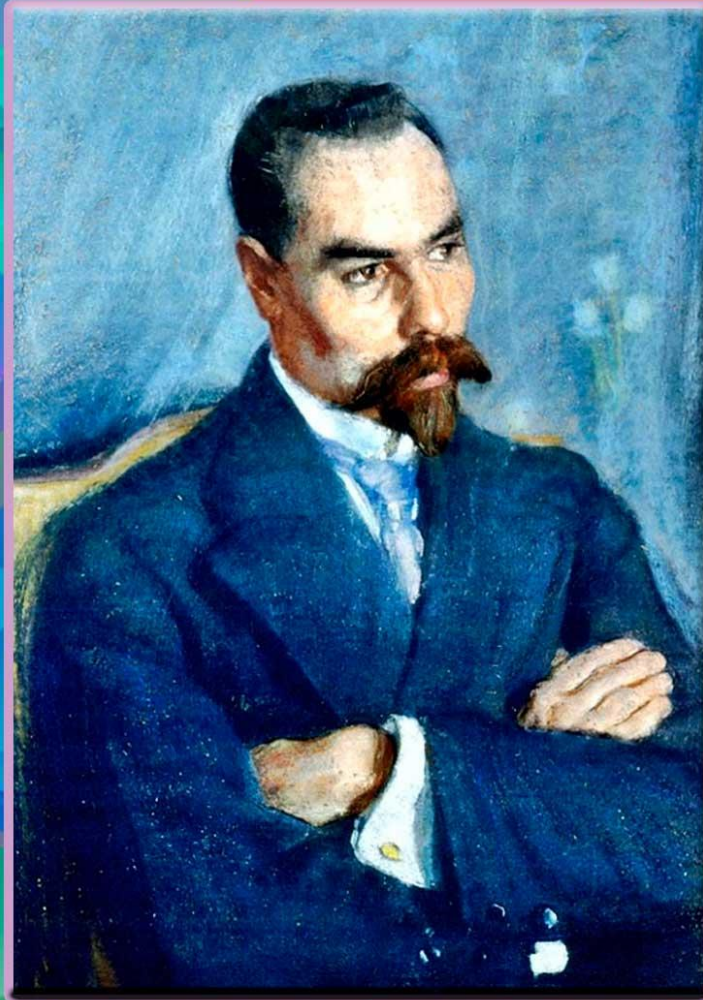

Валерий Брюсов

Последние мечты

«Последние мечты»- произведение русского поэта, прозаика, драматурга и критика В. Я. Брюсова(1873–1924).***

Сборник стихов выпущен в 1920 году. Брюсов — автор более 80 книг стихов, прозы, критики и переводов с разных языков. Он был видным специалистом по римской поэзии, французскому символизму, творчеству Пушкина и Тютчева, теории русского стиха. Большим успехом пользовались его романы «Огненный ангел» и «Алтарь победы».

Перу Брюсова принадлежат и такие произведения: «Русские символисты», «Семь земных соблазнов», «Семь цветов радуги», «Сестры», «Сны человечества».

Валерий Брюсов
ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ
1917–1919

ДУША ИСТАИВАЕТ...

В ГОРНЕМ СВЕТЕ

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!
Бывало, жизнь мutilи страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.
Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза, —
Желанья выше вознеслись!
Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люблю!
Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне внятн ход железный
И вопль умолкших голосов.
Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.
Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;
И, прежнему призыванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.
Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,

Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:
Все пело, полно вешней прелести;
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни — мед!»
И вновь весна, но — сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес — божественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде, свеж и зелен луг!
Весна во всем осталась девственной;
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску случайную
На праздник радости естественной, —
Лишь я — иной, под гнетом лет!
Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну приветствую
И на призыв земли отвечаю,
Как прежде, светлой песней я!

1918

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит, —
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.
Море — змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.
Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.
Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...
Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и губительных страстей:
Все мечты приемлю до последней, —
Каждый стон и стих, как мать — детей.
Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»
И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь — за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, — усталым,
Но готовым вновь — страдать и жить!

3 января 1918

УЧЕНИК ОРФЕЯ

Я всюду цепи строф лелеял,
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;
Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;
Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;
В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь, — прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;
Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес, —
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.
Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,
Треск ружей, баррикадный крик.
Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.
Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.
Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходившего певца.
Так мне ль осилить взвизг трамвайный.
Моторов вопль, рев толп людских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.

20/7 февраля 1918

СОРОК ПЯТЫЙ РАЗ

Весенней ночью встречу звон пасхальный
Я сорок пятый раз...
И вот мечта, вскрывая сумрак дальний,
Лепечет свой рассказ.
Об том, как в детстве золотились нежно
Все праздничные дни;
Как в юности огнем любви мятежно
Томили дух они;
Как позже, злобно нападали змеи
Безумства и страстей,
В весенний праздник выползая злее
Со всех моих путей...
Вновь вижу: двое, в звоне колокольном,
Укрылись в темноту,
А на окне, пред взором богомольным,
Ветвь яблони в цвету...
Вновь вижу поле дальнее... ракета,
Взлетя, прожгла эфир...
И с перезвоном робким слился где-то
Рёв пушек и мортир.
Вновь вижу ночь семнадцатого года.
Прекрасна и светла;
Толпу пасхальную ведет Свобода,
Раскинув два крыла...
Что ж принесет мне праздник сорок пятый?
О если б глубь небес
Родному краю крикнула трикраты:
«Воистину воскрес!»

1918

ЖИТЬ НА ВОЛЕ...

ЗОВ АВТОМОБИЛЯ

Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям — тоска.
То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдыхать!
Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.
А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.

Иль ночью, в дерзостном разбеге,
Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!
Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»
И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

Сентябрь 1917

ЛУННАЯ НОЧЬ

— *Банально, как лунная ночь...*

Juvenilia

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.
Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,
Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.
Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,—
Змей — лента водяных лучей.
Час волшебством мечты пропитан,—
Луга, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде — восторг, во всем — печаль!
И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.

1917

СОЛНЦЕВОРОТ

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.
Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,

В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!
Час пробил; Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос;
«Опять пришел солнцеворот!»
И под землю, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!

17 октября 1917

БЛАГОВЕСТЬ ВЕСЕННЕГО УТРА

Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,
Звоны весенних лучей,
Всё отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками вышит,
Звучно-журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.
Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат,
В травах бренчат колокольца.
Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,
В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.
Солнце восходит все выше.
Ярче, ясней, полновесней
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуды огня.
Небо взывает: «Воскресни»,
Миру лазурью звеня.

1918

АПРЕЛЬСКИЙ ХМЕЛЬ

Лиловые тени легли по последнему снегу,
Журча, по наклонам сбежали ручьями сугробы,
Развевал по воздуху вечер истому и негу,

Апрель над зимой торжествует без гнева и злобы.
Апрель! Но вокруг все объято предчувствием мая,
И ночь обещает быть ясной, и теплой, и звездной...
Ах, тысячи юношей, нежно подругу сжимая,
Свой взор наклоняют теперь над обманчивой бездной.
Весна их пьянит, как пьянила и в глубях столетий,
В жестокие темные годы пещерного века,
Когда первобытные люди играли, как дети,
И мамонт бродячий был грозным врагом человека.
Быть может, вот здесь, где длинеют лиловые тени,
Наш пращур суровый, в любовном восторженном хмеле,
На тающий снег преклоняя нагие колени,
К возлюбленной девушке ник, в тихий вечер, в апреле!
Вот солнце краснеет, скользя за черту кругозора,
Под ласковым ветром дрожат заалевшие ветки...
Вы, девы и юноши! май нас обрадует скоро:
Дышите весной, как дышали далекие предки.

26 апреля 1919

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны,—
Вешней неги не обменим
На иные сны.
После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилат тень.
Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу, зеленый
Молодой побег!
В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!
Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!
Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

1918

ПЕРЕД МАЕМ

Под землей, под слоем снега,

Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;
Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;
Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!
Спит зерно и грезит маем,
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?
Так чего ж еще нам надо,—
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!
Как же может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.
Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы!
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?
Пусть во мраке, — ты ли, я ли,—
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!
Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!

16 января. 1918

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ

В снежной мгле утрюмы вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий...
Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?
Там, лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой метят.
Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.
Вот — летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот — плеск весел пылью искр осыпан;
Берег — ярок, в искрах — все изгибы,